

УДК 343

**ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В
КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ 1903 ГОДА****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

Тюремная (уголовно-исполнительная) система в России в течение всей истории страны развивается противоречиво, и многократно подвергалась реформированию, как правило, не достигнув желаемых результатов. Наиболее интенсивно это имело место в Российской империи, когда, в частности, было создано Главное тюремное управление в 1879 г. Однако, несмотря на усилия внедрить передовые по тем временам пенитенциарные нормы, фактическое положение в местах лишения свободы оставалось неудовлетворительным. Российские криминологи убедили власть принять новый уголовный закон (вместо действовавшего с 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных), который должен был, среди прочего, поменять концепцию института наказания в виде лишения свободы. В статье рассматриваются предпосылки, особенности принятия и содержание принятого в 1903 г. Уголовного уложения с пенитенциарной точки зрения. Анализируются нормы как проекта этого закона, так и уже утвержденного Уложения, а также научные публикации, в которых затрагивалась данная тема. Отмечается, что при столкновении различных позиций в итоге Уголовное уложение отражало, как и ранее, классическое учение о наказании. При этом в законе содержался ряд прогрессивных пенитенциарных принципов, однако новый закон так и не смог улучшить фактическое состояние мест лишения свободы.

Ключевые слова: российская империя, тюремная система, реформы, места лишения свободы, Уголовное уложение.

**INSTITUTE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISON-MENT IN THE
CONTEXT OF THE CRIMINAL CODE OF 1903****Uporov I. V.,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

The prison (penal) system in Russia has been developing contradictorily throughout the country's history, and has repeatedly been subject to reform, usually without achieving the desired results. This took place most intensively in the Russian Empire, when, in particular, the Main Prison Administration was created in 1879. However, despite efforts to introduce advanced penitentiary standards for that time, the actual situation in places of deprivation of liberty remained unsatisfactory. Russian criminologists convinced the authorities to adopt a new criminal law (instead of the Code of Criminal and Correctional Punishments in force since 1845), which was supposed, among other things, to change the concept of the institution of punishment in the form of imprisonment. The article examines the prerequisites, features of adoption and content of the Criminal Code adopted in 1903 from a penitentiary point of view. The norms of both the draft of this law and the already approved Code, as well as scientific publications that touched on this topic, are analyzed. It is noted that when various positions clashed, the Criminal Code ultimately reflected, as before, the classical doctrine of punishment. At the same time, the law contained a number of progressive penitentiary principles, but the new law was unable to improve the actual state of places of imprisonment.

Keywords: Russian Empire, prison system, reforms, places of imprisonment, Criminal Code.

К середине XIX в. в российском праве сложилась определенная система нормативных актов, регулирующих назначение и исполнение уголовных наказаний, связанных с лишением свободы (основные из них – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Устав о ссыльных, Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею, Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и др.). Однако содержание правовых актов во многом оказалось оторванным от реального состояния дел с исполнением лишения свободы. В этой связи в XIX в. предпринимались попытки реформирования тюремной системы. В соответствующих документах по подготовке реформ было показано фактическое и крайне неудовлетворительное состояние мест лишения свободы, проекты по их улучшению, результаты, а также научные труды, в которых затрагиваются данная проблематика. Попытки улучшить положение в уголовно-исполнительных учреждениях так и не дали каких-либо существенных результатов, в числе основных причин были запущенность всего тюремного хозяйства, недостаточное финансирование, отсутствие надлежащим образом подготовленных тюремных служащих. Так, в 1879 г. вместо запрошенных 737000 рублей ГТУ получило только 177500 (аналогичное положение сохранялось и в последующие годы). По-прежнему сохранялось много видов наказаний, связанных с лишением свободы, что было явно неэффективным. М.Н. Гернет в связи с этим не без оснований называл проект Комиссии «мертворожденным», поскольку за ним не последовало коренных изменений в порядке и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы[1, с. 114]. Вместе с тем нельзя не согласиться с С.Л. Гайдуком, полагавшим, что этот документ все же оказал определенное влияние на тюремную политику государства[2, с. 226]. Из позитива можно все же отметить все-таки имевшее у властей стремление преобразовать тюрьмы согласно современным в те годы требованиям, и практическое воплощение новой системы управления в данной сфере, для чего в 1879 г. было создано Главное тюремное управление.

В этой связи сложившееся в пенитенциарной сфере положение характеризуется достаточно интенсивным развитием новых концептуальных положений в вопросах назначения и исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, чем способствовала и активизация научных исследований российских криминологов того времени. Так, идея принудительного (обязательного) труда, изначально применяемого только наказанию в ви-

де ссылки в каторжные работы, стала восприниматься в качестве необходимого средства исправления. Однако в ссылке в каторгу труд уже не мог быть эффективным в таком качестве (ввиду привлечения каторжан к тяжелым физическим работам), а в иных местах заключения для обязательного труда не были созданы подходящие условия. Возникла в определенной мере тупиковая ситуация. Выход из нее, как и вообще из создавшегося кризиса системы мест лишения свободы в России, мог и должен был проясниться с принятием нового уголовного закона.

Однако процесс разработки и принятия этого закона (в виде Уголовного уложения) оказался чрезвычайно долгим и сам по себе также отражал кризисное состояние российской пенитенциарной системы. В состав Комитета и редакционной комиссии по составлению проекта входили ведущие российские ученые-пенитенциаристы и специалисты Н.С. Таганов, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, Э.В. Фриш, Г.Г. Савич, Э.Ю. Нольде и др. Общая часть проекта Уголовного уложения была разработана в основном Н.С. Таганцевым, которого в литературе относят к представителям классической теории наказания [3, с. 249]. Это обстоятельство имело определенное влияние, в частности, на то, что в Уголовном уложении сохранилось довольно суровое наказание в виде ссылки в каторжные работы, хотя и со сниженными сроками заключения. И.Я. Фойницкий же принадлежал к социологическому направлению [4, с. 648], и он полагал, что к разного рода наказаниям необходимо применять и разные меры уголовного воздействия; этот подход, видимо, и позволил оставить по-прежнему сложную лестницу наказаний, связанных с лишением свободы. В связи с этим нельзя согласиться с мнением, что карательная политика Российской империи основывалась исключительно на классической теории наказания [5, с. 11]. Отчасти (возможно, в основном) по указанной причине в объяснительной записке к проекту Уголовного уложения, представленному редакционной комиссией, наблюдается неопределенность и противоречивость в важнейшем вопросе, связанном с целями наказания: в одних случаях акцент делается на устрашение, а в других на исправление [6, с. 28-29]. Двойственность позиции редакционной комиссии привела к тому, что в Уголовном уложении 1903 г. не оказалось ни одной нормы, где определялись бы цели наказания, его задачи и основные принципы исполнения.

В целом же дух нового уголовного закона был предопределен не столько учеными-разработчиками, сколько государственными политиками, которые на рубеже XIX-XX вв. О двойственности говорит и нерешительность разработчиков в вопросе о введении одиночного заключения. При его обсуждении были высказаны две взаимоисключающие точки зрения: 1) одиночному заключению необходимо придать широкое распространение; 2) одиночное заключение не должно быть вовсе принято в русскую карательную систему [7, с. 132]. Между тем эффективность одиночного тюремного заключения подвергалась сомнению еще с середины XIX в., когда прошла волна эйфории от практики его применения в Америке, где эта система так и не нашла широкого распространения. Так, П.Д. Калмыков писал, что условия одиночного заключения, «отдаляя осужденного от сообщества людей, поселяют чувство одиночества, вредное для него при переходе в общество... не представляют достаточных данных для суждения о нравственном исправлении осужденных» [8, с. 312]. По словам С.К. Гогеля, системе одиночного заключения «не удастся вовсе исправлять», поскольку оно расслабляет арестантов физически, погашает в них остатки энергии, и о «возвращении в ряды нормального общества и думать трудно» [9, с. 78]. Большинство пенитенциаристов и общественных деятелей того времени также были против введения одиночного заключения (А.Д. Марголин, Ф.М. Достоевский, Н.М. Ядринцев и др.). Тем не менее в окончательной редакции Уголовного уложения одиночное заключение нашло место (ст. 18, 20), что лишний раз подтверждает склонность законодателя прежде всего к устрашающей цели наказания.

Такое решение тут же вызвало ряд критических замечаний. Так, Г.Г. Евангулов, обобщая нормы Уложения, касающиеся наказания в виде лишения свободы, писал, что «пенитенциарная реформа, предположенная новым Уложением, сведется, вероятно, на практике к переименованию исправительных арестантских отделений в исправительные дома и тому, что суд будет назначать виновным заключение в тюрьме по расчету одиночного заключения» [10, с. 37]. Тем не менее нормы, регулирующие лишение свободы по Уголовному уложению 1903 г., представляют собой самостоятельный интерес, поскольку позволяют выявить и уточнить тенденции развития этого института уголовного права. Так, согласно ст. 2 Уголовного уложения лестница наказаний, связанных с лишением свободы, выглядит следующим образом: 1) каторга; 2) заключение в исправительном доме; 3) заключение в крепости; 4) заключение в тюрьме; 5) арест [11]. По сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. перечень видов лишения свободы сократился, однако и пять видов по сравнению с уголовным законодательством других стран представляется преувеличенным.

В связи с этим А.Д. Марголин писал: «Исправительный дом и тюрьма в европейских странах почти нигде не существуют вместе. Где критерии их разделения? Редакционная комиссия оправдывает: для долгосрочного заключения более подходяще общее содержание, а для краткосрочного – в виде одиночного заключения... Однако различия не столь уж существенны... И поэтому несравненно целесообразнее было бы безвозвратно пожертвовать исправительными арестантскими отделениями, не создавая их суррогат в виде исправительного дома, а ограничиться лишь тюрьмой... Заключение в крепости также может быть вычеркнуто без особенного ущерба для карательной системы. Взамен этого можно было бы придумать максимальный срок ареста – хотя бы до 6 лет» [12, с. 54]. Представляется, что данное предложение было достаточно резонным. К этому следует добавить, что условия содержания в каторжных тюрьмах по внешним признакам мало отличались от собственно тюремных помещений; то же касается и арестных помещений. Поэтому все эти виды лишения свободы, очевидно, можно было бы объединить, проведя необходимые различия по режиму содержания (это, как известно, и было реализовано, но уже в позже, в советском государстве). Напомним в этой связи, что одной из причин включения усложненной лестницы лишения свободы являлось усилившееся влияние социологического направления теории наказания, представители которого входили в состав разработчиков проекта Уголовного уложения (И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и др.) [13, с. 10].

Согласно ст. 16 Уголовного уложения каторга назначалась без срока (за особо тяжкие преступления) или на срок до пятнадцати лет. Приговоренные должны были размещаться в каторжных тюрьмах, в общем заключении, и подвергаться принудительным тяжелым работам как в помещениях тюрем, так и вне их. По отбытии каторжных работ осужденные переводились на поселение в предназначенные для этого местности. Осужденные к каторге без срока по истечении пятнадцати лет, а осужденные к срочной каторге по истечении двух третей определенного им срока, в случае «одобрительного» их поведения, могли быть переведены на поселение. В дальнейшем, по истечении десяти лет и также в случае одобрительного поведения, они могли быть освобождены и от поселения (ст. 23).

В сравнении с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных рассматриваемое наказание претерпело существенные изменения, в частности, исключено вечное поселение после отбытия каторжных работ, сокращен перечень лишаемых прав осужденного, отсутствует сословный признак. Все эти новеллы отражали распространение в России либерально-гуманистических идей, предполагающих раскрепощение личности человека, уважения его права на свободу, человеческое достоинство и личную неприкосновенность. Особо подчеркнем в связи с этим конкретизацию правового по-

ложения осужденных, в том числе к каторге. Так, согласно ст. 30 Уголовного уложения приговоренный к каторге, заключению в исправительном доме и заключению в тюрьме (с лишением прав состояния) утрачивал права: участвовать в постановлениях и выборах сословных собраний и быть избирателем или избираемым в земских, городских или общественных собраниях; состоять на государственной, сословной, земской, городской или общественной службе; состоять на службе в армии или во флоте; быть опекуном или попечителем и др. (всего 9 пунктов). Указанные права могли быть восстановлены по прошествии определенного срока после освобождения (от 5 до 10 лет), за исключением случаев, когда тому препятствовали специальные установления.

Еще одна особенность Уголовного уложения в том, что в нем впервые обнаруживается связь между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством: в ст. 29 Уголовного уложения дается ссылка на Устав о ссыльных (в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных такой ссылки не было, несмотря на действие Устава о ссыльных). В целом Уголовное уложение 1903 г. было «крупным событием первостепенной важности» в российском праве того времени (И.Г. Щегловых).

Действительно, в правовой истории России принятие Уголовного уложения 1903 г. стало заметным шагом в развитии уголовного права. Но, по мнению ряда ученых, имеет немало недостатков. Так, П.П. Пусторослев пишет о том, что этот закон составлен «бюрократическим путем: безо всякого участия представителей русского народа» [14, с. 74]. О неоправданно усложненной лестнице наказания и несоответствии ее реальному состоянию тюремной системы в России выше уже было отмечено. Здесь еще добавим, что в этом вопросе Уголовное уложение в принципе ненамного продвинулось вперед по сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., тем более. Очевидно, можно считать упущением отсутствие норм, определяющих цели, задачи наказания, и прежде всего лишения свободы, как наиболее употребляемого, и принципов его исполнения. Если отсутствие таких норм в Уложении 1845 г. можно объяснить и тем, что такой закон в России создавался впервые, и тем, что в России к тому времени еще не сложилась наука уголовного права, то к концу века этих причин уже не было; более того, ряд российских ученых-криминалистов имели международное признание (И.Я. Фойницкий, Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергеевский и др.).

Кроме того, вполне справедлив упрек П.П. Пусторослева по поводу того, что в Уголовном уложении не нашел применения «новейший институт» в виде «испытания преступника» (условное осуждение) [14, с. 74]. В этом же ряду и слабое развитие института условно-досрочного освобождения. Есть достаточно серьезные основания согласиться с критикой Уголовного уложения Н.Н. Полянского в части назначения наказаний за государственные преступления, имея в виду фактически поставленную на первое место цель охраны государственной власти, а не прав граждан («отсутствие каких бы то ни было норм, направленных к ограждению политических прав народа» [15, с. 245]).

В итоге Уголовное уложение мало изменило ситуацию в пенитенциарной системе России. Последняя в значительной степени развивалась сама по себе. Часть установлений Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею устаревали, и ГТУ (переведенное в 1895 г. из МВД в Минюст) издавало один за другим циркуляры, регулирующие различные стороны исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы (№ 16 от 25 июля 1889 г. – о работе арестантов в исправительных отделениях и тюрьмах; № 1885 от 6 июня 1900 г. – о требованиях, предъявляемых к сукну, из коего шьется арестантская одежда; № 26 от 8 декабря 1889 г. – об использовании съестных припасов, принесенных в порядке пожертвования; № 4 от 22 мая 1910 г. – о содействии в трудоустройстве освобожденных арестантов и др.). С 1898 г. стал издаваться ежемесячный журнал «Тюремный вестник». В

1909 г. был все-таки принят закон об условно-досрочном освобождении и тем самым некоторым образом устраняется один из недостатков Уголовного уложения 1903 г.

Специального внимания заслуживает положение из отчета ГТУ за 1910 г., где говорилось, что требования гуманного отношения к заключенным необходимы в интересах самого общества, ибо потерявший в результате «нечеловеческих условий» содержания, здоровье и трудоспособность арестант превращается в обузу для общества, а ущербный нравственно – представляет опасность для государства. Такой подход дал основание Н.И. Петренко утверждать о том, что фактически режимные условия отбывания наказания, связанного с лишением свободы, в местах заключения в России «оставались нетяжелыми, в значительной степени уступая по строгости режиму мест заключения Западной Европы» [16, с. 116]. Однако имеется и противоположное мнение о местах лишения свободы в России начала XX в. Указывалось, в частности, что «невыносимые санитарные и гигиенические условия заключения, дисциплинарные наказания, суровый режим, полуголодное существование, систематические избиения и истязания – все это приводило к массовому физическому уничтожению заключенных», а также свидетельствовало о «жесточайшем тюремном режиме» [1, с. 22]. Даже с учетом значительной доли конъюнктурности при оценке «царских» тюрем (дана в 1961 г.) мы полагаем, что о фактических условиях содержания арестантов в указанный период нельзя судить однозначно и категорично. Учитывая, что уголовно-исполнительные нормы в России практически всегда расходились (в худшую сторону) с реальностью, можно предположить, что в большинстве тюремных учреждений России условия отбывания наказания вряд ли были более мягкие и гуманные, чем в европейских странах; вместе с тем в некоторых местах лишения свободы, и прежде всего в С.-Петербурге и Москве, такое вполне могло быть.

Как бы ни было, но предусмотренные Уголовным уложением трансформации института лишения свободы в Российской империи действовали соевем времени. После 1917 г. советская власть выстроила свою уголовно-исполнительную систему, при этом также имели большие сложности, включая этап функционирования печально известного ГУЛАГа, и определенная стабилизация в этой сфере наступила только с рубежа 1970 г.

Список литературы:

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2.
2. Гайдук С.Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.
3. Пушкаренко А.А. Введение к Уголовному уложению 1903 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С.
4. Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Часть Общая. Л., 1970. Т. 2.
5. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973.
6. Пржевальский В.В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб., 1897.
7. Уголовное уложение, с рассуждениями, на коих оно основано. СПб.: Гос.канцелярия, 1910.
8. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. М., 1866.
9. Гогель С.К. Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб., 1906.
10. Евангулов Г.Г. Уголовное уложение. СПб., 1903.
11. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22.03.1903 г. М., 1903.

12. Марголин А.Д. Из области уголовного права. Киев, 1907.
13. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 1990.
14. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1907.
15. Полянский Н.Н. Русское уголовное законодательство о стачках и другие статьи по уголовному праву. М., 1912.
16. Петренко Н.И. Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения в пореформенный период (1864–1917 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук, 1997.

References:

1. Gernet M.N. History of the Tsarist Prison. Moscow, 1961. Vol. 2.
2. Gaiduk S.L. Prison Policy and Prison Legislation in Post-Reform Russia: Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 1987.
3. Pushkarenko A.A. Introduction to the Criminal Code of 1903 // Russian Legislation of the 10th-20th Centuries. Vol. 9. P.
4. Course of Soviet Criminal Law / Ed. N.A. Belyaev, M.D. Shargorodsky. General Part. Leningrad, 1970. Vol. 2.
5. Noy I.S. The Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State. Saratov, 1973.
6. Przhevalsky V.V. Draft Criminal Code and Modern Science of Criminal Law. St. Petersburg, 1897.
7. Criminal Code, with the reasons on which it is based. St. Petersburg: State Chancellery, 1910.
8. Kalmykov P.D. Textbook of Criminal Law. Moscow, 1866.
9. Gogel S.K. The Role of Society in the Fight against Crime. St. Petersburg, 1906.
10. Evangulov G.G. Criminal Code. St. Petersburg, 1903.
11. Criminal Code, approved by the Emperor on March 22, 1903. Moscow, 1903.
12. Margolin A.D. From the Field of Criminal Law. Kyiv, 1907.
13. Polubinskaya S.V. Objectives of Criminal Punishment. Moscow, 1990.
14. Pustoroslev P.P. Russian criminal law. General part. Yuryev, 1907.
15. Polyansky N.N. Russian criminal legislation on strikes and other articles on criminal law. Moscow, 1912.
16. Petrenko N.I. Organizational and legal foundations of the regime for the execution of punishment for common crimes in places of detention in the post-reform period (1864–1917): diss. ... candidate of legal sciences, 1997.